

Сидевшие рядом старухи заголосили во всю глотку, словно мечтая посеять смуту. Вскоре на шум сбежалась толпа.

— Что случилось? Бабка Ван умерла?

— Почему она лежит без движения?

— Наверное, из-за своего ядовитого языка, вот небо и прибрало её раньше срока.

Зеваки перебивали друг друга, выкрикивая догадки.

— Это всё Чэнь Лююнь! Он довёл её до смерти! — заверещала одна из старух, приятельница покойницы.

Все взгляды скрестились на Чэнь Лююне. В глазах людей читались удивление, подозрение, ошеломление и злорадное любопытство. В любую эпоху смерть человека — событие серьёзное. Даже если ты не прикасался к покойному, всё равно несёшь ответственность, вплоть до тюремного заключения.

Чэнь Лююнь оставался невозмутимым. Его лицо выражало полное спокойствие.

— Не слушайте её бред, тётка Ван не умерла.

— Не умерла, а почему не шевелится? Ох, и злодей же ты, доиграешься, что сам сгинешь в муках! — старуха скрежетала зубами, и вид у неё был страшнее, чем у привидения.

Сплошные морщины, обвисшая кожа, глубокие глазницы — такая ночью встретится, даже собаку до инфаркта доведет.

— Успокойся, — отрезал Чэнь Лююнь, — я переживу всю твою семейку до последнего человека.

Он подошёл к бабке Ван и заглянул ей в лицо. Хватило одного взгляда, чтобы всё понять. Старая карга решила разыграть спектакль: раз не смогла победить в словесной перепалке, улеглась на землю и притворилась мёртвой, чтобы настроить всех против него.

Раз ты хочешь играть, что ж, пеняй на себя. Чэнь Лююнь закатал рукава, достал серебряную иглу и сделал вид, что собирается вонзить её в тело старухи.

— Чэнь Лююнь, ты что задумал? — испуганно вскрикнула старуха.

— Лучше не лезь ко мне, проваливай, пока я добрый, — пригрозил он. — А если я разозлюсь, то, поверь, не погнушаюсь подпортить жизнь твоему внуку. Я слышал, он только недавно женился, жена вроде ничего, и фигурой вышла.

Старуха мгновенно захлопнула рот и отступила, не смея произнести ни слова. Она знала, что Чэнь Лююнь — человек с дурной славой, способный на любую подлость. Если из-за бабки Ван её внук покроет себя позором, невестка живьём её сгрызёт. Старухи могли казаться близкими подругами, но как только дело касалось их собственного благополучия, каждая думала только о себе.

Чэнь Лююнь схватил иссохшую руку бабки Ван и, не раздумывая, вонзил иглу.

— Ай! — бабка Ван распахнула глаза, зрачки её вылезли из орбит, и она резко села.

Чэнь Лююнь не пожалел сил, точно попав в точку Хэ-гу. Это самое болезненное место на теле человека; даже от лёгкого укола здесь можно взвыть, а он едва не проткнул её насквозь.

— Ой, ожила! Бабка Ван не умерла!

— Каким же методом он воспользовался? Один укол — и готово. Лицо-то у неё было как у бумажного идола, а теперь порозовело.

— Может, она просто вымогать деньги хотела?

— Кто знает, у неё репутация гнилая, человек ненадёжный, а хитрости — хоть отбавляй.

Толпа зашумела, обсуждая происходящее. Чэнь Лююнь поднялся и снова закинул на плечи бамбуковый короб.

— Раз уж вы все здесь собрались, я хочу объявить кое-что. Как вы знаете, наша семья из поколения в поколение занималась врачеванием. После смерти моего отца в деревне не осталось лекаря. Теперь аптека переходит ко мне, так что если кто захворает — милости прошу в мой дом.

Сказав это, он повернулся к бабке Ван:

— Тётка Ван, советую тебе взяться за ум. Зло порождает зло, а на небесах всё видят. Не болтай языком, будто у тебя штаны без завязок, не имея ни доказательств, ни стыда. Однажды твои слова обернутся против тебя.

Закончив, он окинул многозначительным взглядом остальных старух и зашагал прочь. Бабка Ван сидела в полном замешательстве, не зная, как поступить — то ли встать, то ли остаться. В конце концов, красная от стыда, она поднялась и поплелась прочь. Можно было не сомневаться: теперь она больше не осмелится докучать ему.

— Погодите, что он сейчас сказал?

— Зло порождает зло!

— Да не это. Он сказал, что принял аптеку старого лекаря Чэня? И чтобы мы шли к нему, когда

заболеем?

— Вроде бы так.

— Тьфу! Ишь, расхвастался. Это он нам смерти желает, не иначе.

— Он любую простуду превратит в смертельную болезнь.

— Мы все знаем, что он за фрукт. Врачевание? Да он даже курицу не вылечит!

— Верно сказано! Если Чэнь Лююнь умеет лечить, я готов съесть всё дерьмо в своём нужнике, причём без соли и закуски!

— И я с тобой!

Крепкие слова. Быть таким суровым к самому себе — это настоящий характер. Стало ясно, что дела у Чэнь Лююня пойдут нелегко. Впрочем, это было ожидаемо: кто в здравом уме пойдёт лечиться к известному бездельнику?

Вернувшись домой, Чэнь Лююнь почувствовал, что от голода готов съесть слона. Три девушки, увидев его с коробом, были удивлены, но ни о чём не спросили. Обычно они держались с ним холодно, почти не разговаривали, и в доме всегда стояла гнетущая тишина.

— Еда есть? — нарушил молчание Чэнь Лююнь.

— Есть. Мы днём варили мясо, оно в котле, — Ли Ии семенила на кухню. — Подожди, я сейчас принесу.

Чэнь Лююнь посмотрел на остальных:

— Вы ужинали?

— Ещё нет, — безразлично ответила Линь Цюхань.

— Отлично, поедим вместе, — улыбнулся он.

Еду подали на стол: простая и скудная трапеза. Два кукурузных хлебца, миска аппетитно пахнущей свинины и четыре неполные плошки жидкой каши. Чэнь Лююню досталась самая большая миска. Свинина пахла так, что слюнки текли — видимо, постаралась Линь Цюхань. Её происхождение было загадкой, но она всегда умела приготовить что-то необычное.

— Почему только два хлебца? Нас же четверо, как нам хватит? — спросил Чэнь Лююнь.

— Запасов почти не осталось, приходится экономить, — Линь Цюхань изящно отпила из своей плошки.

— Я же давал вам сто лянов! Покупайте всё, что нужно, — Чэнь Лююнь отправил в рот кусок мяса. Оно таяло на языке. Вкусно!

— Ты сказал только купить немного свинины, поэтому мы... — девушки боялись тратить его деньги, опасаясь, что он снова найдёт повод для ругани.

— Бестолковые, — Чэнь Лююнь покачал головой. — С завтрашнего дня покупайте всё, чего не хватает. Нужно обеспечить хотя бы нормальную жизнь. Хлебцы заменим на паровые булочки, кашу будем варить гуще. Деньги для того и нужны, чтобы их тратить, не жалеете. У нас будет всё необходимое.

— Господин... ты правда разрешаешь нам тратить? — Ли Ии широко распахнула глаза, глядя на него с недоверием.

— Конечно, — отрезал он. — Не смотреть же на них в сундуке? От созерцания монет сыт не будешь.

Чэнь Лююнь взял хлебец и разломил его пополам.

— Вот, делим на всех, пока поедим так.

Хлебцы были маленькими, и после одного укуса от них почти ничего не осталось. Линь Цюхань отложила палочки и, впившись в него взглядом, не выдержала:

— Что ты, чёрт возьми, задумал?

<http://bllate.org/book/18514/1779787>